

ОБРАЗ СТРАНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Я не философ, но хочу начать разговор об идентичности с тезиса, принадлежащего Гегелю, корифею мировой философии: «Современное общество нашло свою разумную идентичность в суверенном конституционном государстве, и философия должна представить эту идентичность как разумную. Только государство, суверенное относительно других государств, может иметь самостоятельность, которая необходима, чтобы общество в нем могло сформировать свою идентичность»².

С тех пор как были сказаны эти слова, многое изменилось. Сегодня идентичность общества и отдельного человека невозможно уместить во всеохватной и многофункциональной организации, какой является национальное государство и его государственно-партийная машина. Тем более идентичность не ограничивается чувством принадлежности к этнической общности. И все же, как считает другой немецкий философ Ю. Хабермас, «государственная организация по-прежнему является тем уровнем, на котором общества формируют свою идентичность»³. В многочисленных, как давних, так и современных, исследованиях или размышлениях об образе народа, его культурно-исторических традициях, о национальном характере и тому подобном чаще всего объектом рассмотрения выступают государственные сообщества, а национальное самосознание (идентичность) — это чувство принадлежности к Родине и народу, который там проживает.

Именно так в годы холодной войны американскими антропологами изучались национальные характеры народов разных государств с целью содействовать глобальным амбициям дипломатии США по установлению своего влияния и лучшего понимания внешнего мира. Ранее знаменитый швейцарский педагог Пиаже среди школьников Женевы, не деля их по этническому признаку (скорее всего, большинство составляли франко-швейцарцы, но не только), изучал этапы становления национального самосознания. Именно на основе этого подхода в мировом обществознании сложилась дисциплина кросскультурной психологии⁴, которой отечественные специалисты придали «зауженно-этнический» смысл, породив науку этнопсихологию⁵. Поэтому россияне, включая ученых, интересуются и пишут труды о национальном характере англичан, американцев, китайцев, испанцев, но применительно к собственной стране используют это понятие только по отношению к русским, осетинам, татарам, удмуртам и так далее, но никак не по отношению к россия-

нам. Логика здесь очень простая: у россиян не может быть своего национального характера, ибо они не представляют собой нацию. И это есть еще одно фундаментальное заблуждение!

Как и в прошлом, проблема национальной идентичности относится к числу горячо обсуждаемых и активно разрабатываемых обществоведами. Достаточно сказать, что уже два десятилетия выходит международный научный журнал «Национальные идентичности» (*National Identities*), проводятся многочисленные конференции, печатаются книги и статьи. В России термин «идентичность» не был распространен. Его аналогом в советском обществознании было понятие «*национальное (само)сознание*». Различия здесь не в словах, которые действительно схожи, а в смыслах, которые им придавались. В советском и российском общественно-политическом и научном языке этот смысл придался этнической идентичности, то есть соотношению человека с определенной этнонацией и коллективным образом этнической общности и ее культуры.

В мировом контексте *национальная идентичность* — это один из видов групповой идентичности по принадлежности к нации. Последняя понимается как *государственно-территориальная, политико-правовая общность, объединенная на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик*.

Природа и содержание национальной идентичности динамичны и разнообразны, особенно в сложных по составу обществах, но имеются некоторые общие моменты. Ю. Хабермас писал в связи с этим: «Общество обладает приписываемой ему идентичностью не в том тривиальном смысле, в каком, скажем, ею обладает предмет, который может быть идентифицирован различными наблюдателями как тот же самый предмет, даже если они воспринимают и описывают его различным образом. Общество известным образом порождает свою идентичность; и тем, что оно не утрачивает своей идентичности, оно обязано своим собственным усилиям»⁶.

Собирательные образы страны и народа имеют большое значение в структуре национальной идентичности граждан, а также для восприятия страны внешним миром. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем о себе сами, так и мыслит о нас остальной мир. Хотя может быть и наоборот: какой образ той или иной страны конструирует и насаждает внешний мир по тем или иным идеологическим, геополитическим и культурным установкам, так эта страна и начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, в результате — складывается образ со всеми его оттенками.

Как правило, каждый народ имеет позитивный «самообраз» и не ставит себя ниже других, тем более соседей. Все страны стремятся создать о себе положительное представление. Оно необходимо для нормального социально-психологического самочувствия людей, обеспечения лояльности и сплоченности населения, благоприятных внешних контактов и привлечения в страну капиталов и туристов. В современном мире конструирование позитивного странового имиджа стало сферой прибыльного и вполне легального бизнеса. Существуют международные имиджевые компании, которые за проплачиваемые клиентами деньги создают позитивные образы того или иного государства или ситуации.

Достаточно, например, посмотреть на полностраничные публикации в крупнейших мировых газетах, а также

¹ Академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор. Председатель комиссии по вопросам толерантности и свободе совести Общественной палаты при Президенте РФ.

Автор более 300 научных и научно-публицистических работ, в том числе книг: «Страна кленового листа: начало истории», «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады» (в соавт.), «История и историки США», «Коренное население Северной Америки в современном мире» (в соавт.), «Тропой слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады» (в соавт.), «Русские как меньшинство: пример Эстонии» и «Русские в Средней Азии и Казахстане», «Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия», «Концептуальная эволюция национальной политики в России», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология. Российские исследования в гуманитарных науках», «Общество в вооруженном конфликте» и «Этнология и политика. Научная публицистика» и др.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 365.

³ Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк, 1999. С. 34.

⁴ См. одну из классических работ в русском переводе: Коул М. Кросскультурная психология. М., 1996.

⁵ См. труды Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, а также ранние работы Н. М. Лебедевой, которая со временем стала использовать более приемлемое обозначение этого научного направления — «кросскультурная психология».

⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 8.

в российской газете «Известия» об Азербайджане, которые регулярно публикуются в течение последних нескольких лет на правах рекламы. Кстати, те же самые компании могут по заказу клиентов намеренно разрушать образ страны, ее правительства и даже народа. Одной из причин негативного восприятия внешним миром действий России летом 2008 года по защите Южной Осетии от Грузии была целенаправленная акция по дезинформации, заказанная правительством Грузии международной пиар-компанией.

К сожалению, наша страна по ряду причин довольно часто попадает в категорию имиджевых «изгоев» благодаря стараниям геополитических соперников и беглых ненавистников с украденными из страны денежными ресурсами. Иногда внешний негативный образ существует длительное время или перекочевывает из прошлых и даже очень давних времен. Применительно к России самым отрицательным образом сказывается инерция холодной войны с ее антисоветским идеологическим запалом и «антироссийскость», порожденная уже новыми странами и их элитами после распада СССР. Поэтому достичь внешне-го позитивного образа такой стране, как современная Россия, достаточно сложно, а в ряде случаев — просто невозможно. Предписанная России миссия «большого врага» остается жизненно востребованной для такой мировой державы, как США, и для Запада в целом, чтобы обеспечивать консолидацию собственных обществ и военно-политических союзов, а также для оправдания военной экономики и армейских расходов. В этой ситуации усилия обществ и его элиты по конструированию позитивного «самообраза» направлены против внешних воздействий, но от этого они могут и должны быть более энергичными и последовательными. Здесь возможны две разные стратегии национального самоутверждения: изоляционистская (через отгораживание от внешней среды) и наступательно-интеграционистская (через попытки диалога и изменения внешнего образа страны в позитивную сторону). Обе стратегии не являются взаимоисключающими.

Мы можем определить *национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним*. Национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. *Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, отстаивание национальных интересов страны и ее народа в политике составляют то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова*. Когда российский президент В. В. Путин внешнего мир называл президентом-националистом, то это было близко к истине, ибо, в отличие от своих предшественников на этой должности, М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, он формулировал и твердо отстаивал национальные интересы государства.

Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его. Это вовсе не означает, что все тотально и одинаково должны любить Родину, служить народу, выполнять еще какую-либо коллективистскую сверхзадачу. Человек, проживающий на планете, в том числе и россиянин, явился в этот мир прежде всего для того, чтобы исполнить собственную социальную миссию — благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Морально-этические установки вроде служить нации, защищать свободу, каяться или гордиться и тому подобное — скорее для политиков, религиозных проповедников, воспитателей, чтобы человеческий эгоизм и личное преуспеяние не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина.

Те, кто пишет в научных трудах или взывает на митингах, что человек рожден не для себя, а для нации, и в этом видит национальную идею России, ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожили. Так думают и живут только подвергшиеся идеологическому воздействию экзальтированные одиночки или обработанные специальными методами и религиозными проповедями незрелые и травмированные люди, готовые или «чистить Россию от чужаков», или стать «живыми бомбами». Подобными призывами широко пользуются ультрапатриоты. Прочитую А. Савельева (Кольева): «Вернуть себе национальную гордость можно только одним способом — возратить себе отнятое у нас государство. Когда народ вернет себе государство, он станет нацией. Идея такой трансформации заложена в национализме: нация выше государства; выше нации — только Бог. Национализм — это путь к национальной демократии, к власти демоса»¹.

Национальная идентичность, которая включает образ страны в его разных вариантах, имеет как частно-индивидуальное, так и коллективное измерение. С одной стороны, идея нации создала гражданина, дав ему частное измерение, включающее права и личностный суверенитет. Но *первичность частной жизни не избавляет людей от общности, особенно по отношению к государству*, когда каждый живущий в нем имеет взаимные обязательства, важные для обеих сторон. Можно существовать вне этнической группы и чувствовать себя даже более свободным, чем находясь среди соплеменников, но в современном обществе фактически невозможно обходиться без государства.

Государство и его создатели, то есть проживающий в нем народ, должны заботиться о поддержании этого института в порядке и благополучии. В личной беседе со мной академик Б. Н. Топорнин после научного заседания по поводу 10-летия перестройки сказал, что вся беда в том, что без присмотра оставили само государство, а этого делать было нельзя. Среди разных ресурсов и механизмов государственностроительства и поддержания государства в должном виде активно используется идеология и практика национализма в его гражданско-политическом понимании². Это довольно старый инструмент и с противоречивым наследием, но он сохраняет свою ценность до сих пор, а в некоторых исторических ситуациях становится ключевым.

Именно такая ситуация сложилась после распада СССР во всех постсоветских государствах, включая Россию. В начальный период для нового нацистроительства повсеместно (кроме России) использовалась старая советская концепция этнического национализма: нация — это титульный этнос, остальные — это меньшинства. О гражданской нации (латвийской, казахстанской и т. п.) иногда говорилось вождями и некоторыми идеологами, но реальная политическая практика и общественный менталитет не привели к необходимости утверждения гражданского нацистроительства.

Что касается России, то новое государство — правопреемник СССР — также основывалось на этнонационализме (нация — это этносы). Кроме того, в первой статье Конституции было записано, что мы многонациональный народ. Это чаще всего понимается следующим образом: не только народ, но и Российское государство многонациональное, а не национальное. Страна многих наций сохранила в своем государственно-административном устройстве этнический федерализм в форме этнотерриториальных

¹ Савельев А. Н. Национальная гордость // Золотой лев. № 142–143. URL: <http://www.zlev.ru>

² О национализме в разные исторические эпохи и в разных странах см.: Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана. М., 2007.

автономий (республик, автономной области и автономных округов) и даже укрепила его в период так называемого «парада суверенитетов» в части властных полномочий и привилегированного статуса титульной группы, ее языка и культуры.

В России 1990-е годы были временем доминирования этнической парадигмы. Помимо отвоевания власти и контроля над приватизируемыми ресурсами, восстанавливались страницы истории, памятные и святые места, ритуально-обрядовая жизнь, язык и образование, музейные презентации больших и малых российских народов. В этом процессе было много позитивного и необходимого для сохранения целостности и развития страны. Однако в нерусских этнонационализмах проявились негативные и даже опасные для общества и государства моменты.

Во-первых, один из регионов — Чеченская Республика — в результате вооруженного переворота вышел из-под контроля федеральной власти и стал управляться вооруженными сепаратистами, поддерживаемыми международными террористическими силами и частью так называемого мирового сообщества. Тяжелая и разрушительная война за восстановление контроля российской власти над этой территорией унесла много жизней и имела разрушительные последствия¹. Она показала, насколько важно для национального государства сохранять полный суверенитет над собственной территорией, не допускать разрушительной пропаганды этносепаратистских доктрин и возникновения очагов или регионов вооруженного сопротивления центральной власти.

Вторым негативным проявлением периферийного этнонационализма стало общее ослабление российского самосознания и трудное рождение нового российского патриотизма, которые после распада СССР, наоборот, нуждались в особых усилиях по их наполнению новым содержанием вместе с обеспечением преемственности в системе национальных ценностей и символов. Социологические опросы и другие исследования и наблюдения периода 1990-х годов показывали слабую степень распространения среди россиян гражданского самосознания, а также позитивного отношения к собственной родине — России. Отчуждение и даже негативный образ России намеренно поддерживались частью интеллектуального сообщества и общественных организаций, особенно в российских республиках. Там выходили в свет книги и брошюры, которые создавали образ «сумерек империи» и призывали «убить» ее². В республиках Северного Кавказа в условиях войны в Чечне началась пропаганда и насаждение среди части населения, особенно среди молодежи, антироссийских взглядов на основе радикально-ваххабитской исламистской доктрины.

В-третьих, «симметричным» ответом на этот вызов (Э. Паин назвал это явление этнополитическим маятником) стала радикализация ультранационалистических доктрин и деятельности от имени русского народа. Этнонационализму от имени нерусских народов была противопоставлена не идеология и политика «российскости» и гражданской идентичности, а сумбурно сформулированные и громко заявлявшие о себе «русские проекты». Солидарность и однотипность этих двух экстрем в российском общественно-политическом пространстве были налицо, что могло создать для российской государственности и общества более опасную ситуацию, чем отдельный очаг вооруженного сепаратизма.

С тех пор ситуация с гражданским (надэтническим) нацистроительством значительно изменилась как в пла-

не социологической реальности, так и в доктринальном отношении. Современная Россия находится в процессе активного национального самоутверждения и формирования нового образа как мировой державы и европейской нации с мировой культурой и определенной цивилизаторской миссией на евразийском пространстве³. Обращение к национализму в его гражданско-государственном варианте состоялось и оказалось полезным. Это относится прежде всего к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и интересах.

Приходит осознание того, что без позитивного образа страны и общеразделяемых ценностей-представлений эффективное правление невозможно. Общество, прежде всего в лице его интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому оно принадлежит. Естественно, что таким может быть только территориальное сообщество, то есть *демос*, а не этническая группа, которую в отечественной науке называют *этносом*, подразумеваемая под этим некое коллективное тело и даже социобиологический организм. Это утверждение отражает мировую норму устройства государств. Казалось бы, его невозможно оспорить. Однако это далеко не так.

На пространстве бывшего СССР распространены другие точки зрения. Протицирую одну из привлекательных примитивизаций, в которой смешаны политкорректные реверансы и вульгарный этнонационализм «а-ля Гумилев». Это рассуждения А. Никитина, секретаря центрального политсовета Партии защиты российской Конституции «Русь», в статье «Русский народ и Российское государство», опубликованной в газете «Трибуна» 8 марта 2007 года. Вначале автор пишет про «сумбур в головах — следствие общей идейной разрухи, воцарившейся в стране в 1917 году с победой коммунистической революции и только усугубившейся в 1991 году с торжеством либеральной контрреволюции. Все эти 90 лет людям внушают противоестественную идеологию интернационализма».

«Все 90 лет словосочетание “русский народ” в нашей стране фактически находилось под запретом... Но внести ясность в терминологию совершенно необходимо. И так, с чего все началось?» — задает вопрос автор статьи. Далее следует рассуждение, внешне политкорректное, но по сути ошибочное: «Господь Бог сотворил разные народы. Они отличаются друг от друга этнически, то есть по внешним признакам, говорят на разных языках, создали разные культуры в самом широком смысле этого слова. У них разное мироощущение, живут они в разных частях Земли. И все народы перед Богом равны: нет народов высших, богоизбранных, и низших, предназначенных им в услужение. Любые теории, утверждающие обратное, — расистский бред. В числе прочих Он сотворил и русский народ — не лучше и не хуже остальных, просто отличающийся от любого другого народа своим этническим архетипом, языком и культурой».

На определенном этапе своего исторического развития русский народ создал специальный механизм для управления своей внутренней жизнью на занимаемой им территории и для регулирования отношений с другими народами — русское национальное государство. Похожий путь прошли многие другие народы. Многие, но не все. Не у всех есть свои национальные государства... В многонациональном Российском государстве русскому народу принадлежит особая роль. Он не только создал это государство, он обеспечивает само его нынешнее существование как естественный носитель русского языка и русской

¹ О первой войне в Чечне в 1994–1996 гг. см.: Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.

² Такими были названия книг популярных авторов в Татарстане: Хаким Р. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве; Халим А. Убить империю.

³ См. статью: Тишков В. А. Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Этнокультурные взаимодействия в Евразии / под ред. В. И. Молодина, А. П. Деревянко, В. А. Тишкова. М., 2006.

культуры, без которых вся система обречена на стремительный распад. Русский народ является государствообразующим как исторически, так и демографически, и никакой другой народ не может заменить его в этой функции. России как государства и общества без русских быть не может...

Народ — живой организм, единое целое, которое рождается, живет и умирает, как и все в живой природе. Когда такой организм перестает ощущать себя единым целым, у него исчезает иммунитет перед вредоносными внешними вмешательствами, и в конце концов он погибает. Люди теряют свои национальные корни, свою национальную самобытность, превращаются в инертную биомассу, безразличную к тому, кто и как ею управляет... Смысл существования народа — в самом этом существовании. Нет и не может быть никакой иной национальной идеи, кроме идеи самосохранения народа. Именно ощущение угрозы самому существованию пробудило сейчас инстинкт самосохранения русского народа, проявляющийся в возрождении национального самосознания. Так было всегда в критические периоды русской истории».

Эти представления восходят к советской идеологии и науке, а также к историософии Гердера¹ XIX века, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями. Например, если для современного россиянина слово «рынок» уже не связывается с понятием «колхозный», слово «свобода» не озна-

чает «осознанную необходимость» и так во всем спектре ключевых общественных категорий, то со словами «народ» и «нация» и его производными особых изменений не произошло. Что касается важнейших правовых и концептуальных текстов, то здесь на страже уже второе десятилетие стоит Государственно-правовое управление Администрации Президента РФ, для руководителя которого существует только одно понимание всех национальных категорий. Оно вытекает из буквального прочтения первой главы Конституции: никаких других наций, кроме составляющих многонациональный народ, быть не может. В Конституции о российском народе (россиянах) и гражданской нации ничего не сказано, следовательно, их не существует.

Но не следует упрекать государственных служащих в игнорировании современного знания, если в среде гуманитариев имеют место альтернативность концепций и разные интерпретации категории «национальная идентичность». Ю. Хабермас заметил, что современная социальная и гуманитарная наука очень дифференцирована, и «дистанция между историческими науками и публичным процессом передачи традиции увеличилась. Погрешность знания и конкуренция способов толкования содействуют скорее проблематизации исторического сознания, чем формированию идентичности и смыслообразованию»². Но даже в этой ситуации ученым не следует отказываться от той силы интеллектуального проникновения и общественного воздействия, которыми они обладают.

¹ Академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук, профессор.

Автор более 300 научных работ, в том числе 25 книг: «Історична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине») и др.

Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии (Берлин), член Международного союза славянской археологии.

Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского.